Раздел ведет Сергей Глезеров
glezerov@spbvedomosti.ru

Щит на вратах Царьграда

«КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ВОТЧИНА» КАК ДУХОВНАЯ РОДИНА

Сергей ГЛЕЗЕРОВ
glezerov@spbvedomosti.ru

«Константинополь должен быть наш», — записал Федор Михайлович Достоевский в «Дневнике писателя» в ноябре 1877 года. А религиозный философ Евгений Трубецкой в 1915 году, говоря о храме Святой Софии, отмечал: «Константинополь — та купель, из которой предки наши приняли крещение, и место нахождения великой православной святыни, которая оказала могущественное определяющее влияние на духовный облик православной России... Волею судеб именно с этим храмом связано самое глубокое и ценное, что есть в нашей душе народной...». О метаморфозах многовековой русской мечты о Царьграде, как в России называли Константинополь, мы беседуем с ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН доктором исторических наук Лорой ГЕРД.

РЕПРОДУКЦИЯ: ФОТО АВТОРА

Миниатюра из Радзивилловской летописи, хранящейся в Библиотеке Академии наук, изображает поход дружины князя Олега на Константинополь в 907 году. Текст гласит: «...С сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех, и бе числомъ кораблей 2000. Прииде къ Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша...». Под словом «суд» подразумевается вход в бухту Золотой Рог с Босфора. Греки-византийцы натягивали там цепь, чтобы вражеские корабли не могли пройти.

— Лора Александровна, а откуда вообще пошли слова «прибить щит к вратам Царьграда»?

— Речь о походах Игоря и Олега против византийцев, совершенных в X веке. Но они не имели целью захват Константинополя. Со стороны русских это был не более чем набег на империю, попытка воспользоваться ее трудностями с пользой для себя, добиться торговых привилегий. Да и прибитый щит — знак конца войны, а не победы...

Причем это происходило еще в те времена, когда Русь была языческой. А вот после 988 года, когда было принято крещение, причем именно от Византии, ее мировосприятие оказало огромное влияние на русскую культуру и мысль. Дело в том, что Византийская империя считала себя новым Римом, поскольку прежний пал под ударами варваров в 410 году, а в 476 году отрекся от престола последний император. Русь, крещенная Византией, восприняла мысль, что Константинополь — центр мира.

Одно уточнение: Византия — это все-таки понятие Нового времени, XVII — XVIII веков, когда ученые, исходя из названия античного города Византий, который Константин Великий сделал столицей Восточной Римской империи, Константинополем, распространили это наименование на все государство. В те времена, когда Русь приняла крещение, понятие «Византия» не существовало. Тогда ее называли Ромейское, то есть Римское, царство.

Некогда могучее государство распалось на части под ударами крестоносцев в 1204 году, а дальше с востока стали наседать турки. Попыткой спасения Византии стало подписание в 1439 году Флорентийской унии об объединении Западной и Восточной (православной) церквей. Византийцы (и больше мирские правители, чем духовенство) надеялись таким образом получить от запада военную помощь против турок. Подписантам поставили условие: православная церковь должна была признать главенство Папы Римского. Религиозный вопрос в Средние века идет бок о бок с политикой, они неразделимы.

Однако помощь так и не пришла, да и уния не была принята народом ни в Византии, ни в русском государстве. По возвращении в Константинополь многие греческие епископы, которые согласились на унию, отказались от нее, заявив, что их насильно принудили к соглашению с латинянами. А когда в 1453 году Константинополь пал под ударами турок, о Флорентийской унии уже больше не вспоминали.

Падение Константинополя произвело очень большое впечатление на Русь, ведь под ударами «неверных» пала фактически ее духовная родина, колыбель, откуда было принято православие. И Русь, которая как раз тогда находилась на стадии укрепления своего политического могущества, приняла на себя роль защитницы поруганной духовной колыбели. Тем более что именно тогда Русь и бывшую Византию, которой после 1453 года как государства уже не существовало, связали родственные узы.

В 1472 году второй женой русского царя Ивана III Великого, объединившего Русь, стала София Палеолог. Ее отец Фома Палеолог был братом последнего императора Византии Константина XI. Идея этого брака происходила от Папы Римского Павла II, надеявшегося на усиление влияния католической церкви на Руси или, возможно, сближение католической и православных церквей — восстановление Флорентийской унии.

С этим браком, как известно, на Руси была принята византийская символика (двуглавый орел и шапка Мономаха). Россия стала ощущать себя продолжателем, наследником Византии, павшей под напором Османской империи.

— Именно тогда на Руси появляется знаменитая идея о том, что Москва есть Третий Рим?

— Теория была впервые сформулирована в двух посланиях монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея в 1523 — 1524 годах, обращенных к дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину и великому князю Василию III Ивановичу. В ней московский великий князь рассматривался как преемник византийских императоров, а Москва — как столица православной ойкумены взамен падшего от ереси древнего (первого) Рима и падшего от турок Нового (второго) Рима — Константинополя.

Теория поначалу имела достаточно отвлеченное значение, и лишь во второй половине XVII века наряду с мессианским содержанием о роли русского народа и государства ее стали использовать в политических целях. Тем более что к тому времени Россия уже воевала с турками.

Первая Русско-турецкая война произошла в 1568 — 1570 годах. Порта ее проиграла, весной 1570 года послы Ивана Грозного заключили в Константинополе договор о ненападении. Это был самый пик расцвета Османской империи, никакой идеи о возвращении Константинополя на Руси тогда еще и в помине не было.

Другое дело, что среди православных народов Османской империи жила мечта о том, что когда-нибудь в далеком будущем Константинополь будет освобожден от «неверных», что там восстановится православное царство. Об этом начиная с XVI века было немало пророчеств — сначала устных, а потом и письменных. В XVII — XVIII веках они стали еще более популярными.

Эти пророчества готовили определенную почву. И когда активизировались контакты с греками, подданными султана, среди которых не угасала идея восстановления христианского царства, опять зазвучала мечта о Константинополе. С востока в Москву приходили просители — игумены, епископы, иногда даже патриархи — из Османской империи и регулярно получали финансовую помощь на поддержку церквей и монастырей. Россия очень охотно оказывала эту помощь, особенно при царе Алексее Михайловиче в XVII веке.

Россия считала себя правопреемницей Византии и покровительницей православных христиан. Политическое содержание это приобретает уже ближе к XVIII веку. Тогда возникает идея поставить проливы Босфор и Дарданеллы под контроль России. Это случилось после того, как при Екатерине II после серии Русско-турецких войн, продолжавшихся на протяжении всего XVIII века, Россия прочно вышла на берега Черного моря.

— А чем эти проливы были так важны?

— Это ключ к Черному морю. Если через проливы могут проходить военные корабли враждебных стран и Турция их пропускает, значит, Черное море и южное побережье России подвергаются опасности. И торговля тоже, конечно, имеет значение. Здесь незамерзающие порты в отличие от Петербурга и Архангельска.

В 1782 году возник знаменитый «греческий проект» Екатерины II, инициатором которого был секретарь царицы князь Александр Безбородко. Началась переписка Екатерины с австрийским императором Иосифом II о том, чтобы совместно выступить против Османской империи. И был даже проект о разделе сфер влияния. Согласно ему Австрия получала контроль над западными Балканами, а Россия — над восточными, где предполагалось создать греческое королевство во главе с независимым правителем, а также буферное государство Дакия (на территории нынешних Молдавии и Румынии).

Во главе греческого государства должен был встать внук Екатерины II Константин, который был назван как раз в честь последнего византийского императора. Вся эта идея просуществовала не очень долго, ко второй половине 1780-х годов стала очевидна ее несбыточность. Иосиф II умер в 1790 году, а Русско-турецкая война, закончившаяся Ясским миром 1792 года, по-новому расставила акценты в международной политике.

Однако мечта о Царьграде продолжала жить: недаром по случаю основания Севастополя в 1783 году была выбита медаль с изображением константинопольского храма Святой Софии и восходящей над ней звезды. А на воротах Севастополя в 1787 году во время путешествия Екатерины II была начертана надпись: «Дорога в Константинополь».

— В том же направлении пошел и ее наследник Павел I, хотя в целом и не склонный к следованию екатерининским начинаниям...

— Написанная по его поручению записка Ростопчина продолжала греческую идею императрицы. Турцию предполагалось разделить между Россией и Францией. Балканские владения России с островами Эгейского моря должны были составить Греческую республику, а затем соединиться с Российской империей.

Александр I, следуя написанной графом Румянцевым записке «Общий взгляд на Турцию», также рассчитывал на овладение Константинополем. Да, собственно, и вся последующая русская политика на Балканах была нацелена на освобождение угнетенных турками православных народов. И славянофилы, и дипломаты в своих записках, особенно в годы военных столкновений с Турцией, вспоминали о «константинопольской вотчине», или «духовной родине русского народа».

С начала XIX века «восточный вопрос» стал одним из центральных в европейской повестке. По большому счету началась борьба за наследие Османской империи. Она уже трещала по швам, ее называли «больным человеком», и было ясно, что рано или поздно грядет ее раздел. На ее наследство претендовали в первую очередь Англия, Франция и Россия, а также Австрия и Пруссия. И вот тут идея Константинополя и контроля над проливами становится как нельзя более актуальной.

> *— Десантная операция Черноморского флота по захвату Константинополя была намечена на начало весны 1917 года. Но ее отменила Февральская революция.*

В первой половине XIX века, во время Русско-турецкой войны 1828 — 1829 годов, наши войска стояли совсем близко к Константинополю. Они могли бы в него войти, но это не было сделано. Россия заключила мир, после чего начался период ее наибольшего влияния на Османскую империю. По договору 1833 года Россия получила право контролировать проливы. Действовал он всего восемь лет.

Надо сказать, что турки сохранили о нем плохую память: он означал вмешательство России во внутреннюю политику Турции. Недаром во время Первой мировой войны они разрушили посвященный этому договору памятник на Босфоре.

Под влиянием Англии в 1841 году была заключена конвенция, согласно которой Россия теряла права на проливы. По ним могли проходить только торговые суда. Для военных судов они отныне были закрыты.

— А затем была не самая удачная для России Крымская война...

— Одним из условий Парижского мирного договора 1856 года, заключенного после той войны, был запрет России держать военный флот в Черном море. Такой порядок вещей сохранялся до 1870 года, когда случилась франко-прусская война. Воспользовавшись этой ситуацией, когда Франции было не до русских дел, Россия в одностороннем порядке объявила об отмене, говоря современным языком международного права, «нейтрализации Черного моря». После чего начала заново строить Черноморский флот.

Спустя восемь лет, на исходе Русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов, русские войска уже почти дошли до Константинополя, но не вошли в него. А почему? Потому что в Дарданеллах стоял английский флот. Если бы русские войска вошли в Константинополь, английский флот двинулся бы в Черное море. Что означало столкновение России с Англией, повторилась бы ситуация Крымской войны. Дать отпор Англии Россия тогда была не готова. В результате Константинополь вместе с проливами в очередной раз остался за турками.

Последующие императоры — и Александр III, и Николай II — грезили возвращением Константинополя в лоно православия, тогда как турки отдавать свою столицу отнюдь не собирались.

В начале XX века философ Евгений Трубецкой, близкий к славянофильству, подчеркивал: «Едва ли не три четверти вывозимого нами хлеба проходит через проливы; и, стало быть, вопрос о проливах есть вместе с тем вопрос обо всем экономическом настоящем и будущем России, о возможности для нас других кормить и самим этим питаться».

— В Первую мировую войну Россия, казалось, была как никогда близка к овладению и проливами, и Константинополем...

— В начале 1915 года союзники задумали Дарданелльскую операцию, в ходе которой блокированный с двух сторон Константинополь должен был капитулировать.

В феврале-марте того же года Россия, Англия и Франция заключили секретный договор о разделе территории Османской империи в случае победного завершения войны. России был обещан Константинополь и прилегающие территории. Франция получила бы Сирию, Англия — Египет.

И хотя договор был секретный, военное ведомство и Синод получили задания подготовить аналитические записки. И вот тут начались «маниловские прожекты»: высказывалась даже мысль присоединить Константинополь к русской церкви, сделать его одной из постоянных резиденций русского императора. Одновременно в печати велись дискуссии о будущем «русского Константинополя» и Османской империи.

В русской глубинке даже собирали деньги на крест для Святой Софии, распространяли плакаты с изображением этого храма. Звучали совершенно фантастические идеи о том, что Россия завоюет всю Малую Азию вплоть до Персидского залива... Тогда как раз происходило наступление русской армии на Кавказском фронте, достаточно успешное, был взят Эрзерум, занята часть территории Турции...

Информация о секретном договоре просочилась в печать. В 1916 году лидер кадетской партии Павел Милюков ознакомился с ней во время своей поездки по Западной Европе, а 11 марта 1917 года уже в качестве министра иностранных дел Временного правительства он торжественно заявил послам Франции, Великобритании и Италии о намерении России овладеть Константинополем и проливами. Не случайно потом Ленин припомнил политику эту речь, назвав его «Милюковым-Дарданелльским», имея в виду имперские притязания.

Десантная операция Черноморского флота по захвату Константинополя была намечена на начало весны 1917 года. Но ее отменила Февральская революция.

Первая мировая война, как известно, привела к тому, что прекратили свое существование и Российская, и Османская империи...

— И новые государства попытались затем строить отношения едва ли не с чистого листа...

— Договор РСФСР с Турцией 1921 года — это одновременно и элемент признания Советской России на международной арене, и демонстрация ее полного отказа от притязаний прежней империи. Советская Россия возвращала Турции Карс и Ардаган, принадлежавшие России с 1878 года, а также Ван, занятый русской армией в Первую мировую войну, способствовала обмену населением между Грецией и Турцией, когда полтора миллиона православных греков были насильно депортированы со своих исторических земель.

В том договоре о проливах речи не было. О них говорилось на Лозаннской конференции в 1922 году. Правительство РСФСР предлагало заблокировать проливы для военных судов всех стран, но встретило отказ. Под давлением Великобритании была принята формулировка, предусматривающая свободу прохождения любых торговых и военных судов.

Летом 1936 года в швейцарском городе Монтре была заключена конвенция по проливам, действующая по сей день. Она сохранила за торговыми судами всех стран свободу прохода через проливы. Что же касается боевых кораблей, то (при условии предварительного уведомления властей Турции) черноморские государства могут проводить через проливы в мирное время свои военные суда любого класса, а нечерноморские — лишь надводные, ограниченные по классу и тоннажу, и предельный срок их пребывания в Черном море — не больше 21 суток.

В случае участия Турции в войне, а также если она посчитает, что ей непосредственно угрожает война, ей предоставлено право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов.

В конце Второй мировой войны СССР попытался пересмотреть договор, потребовав от Турции ввести режим совместного контроля, и разместить в проливах советскую военно-морскую базу. На Потсдамской конференции союзников летом 1945 года Вячеслав Молотов заявил: «Мы неоднократно заявляли нашим союзникам, что СССР не может считать правильной конвенцию, заключенную в Монтре». Сталин заявил, что, владея проливами, небольшое государство, поддерживаемое Англией, «держит за горло большое государство и не дает ему прохода».

Однако, встретив противодействие остальных держав, прежде всего США, в 1953 году, после смерти Сталина, МИД СССР заявил об отказе и от территориальных претензий к Турции, и от намерения контролировать проливы. Было объявлено: «Советское правительство считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции».

Проливы до сих пор не потеряли своего военно-стратегического значения. Сегодня они остаются под контролем Турции, а она, как известно, — член НАТО. Конвенция 1936 года обеспечивает привычный для всех статус-кво. Почему такую острую реакцию вызывает намерение Турции в обход проливов провести канал «Стамбул», который даст дополнительный проход в Черное море? Потому что на него не будет распространяться конвенция Монтре.

— Как вам кажется, для современной российской философско-политической мысли Константинополь еще остается живой идеей?

— Сейчас постоянно обращаются к представлениям прошлого, пытаются даже оживить концепцию Третьего Рима. Но, на мой взгляд, идея о русском Константинополе осталась в истории. Сегодня это уже какой-то несбыточный мираж.

Однако культурное и символическое значение Константинополя по-прежнему велико. Достаточно вспомнить бурную реакцию, когда в прошлом году Святой Софии был вновь придан статус мечети. Духовная связь с Константинополем, возможно, не забыта еще и потому, что нам напоминают о ней архитектурные реплики его главного храма. Самая яркая из них — Морской собор в Кронштадте.

АРТЕФАКТ

Холодное лето 1917-го

Александр СОЛОВЬЕВ

Это очень удобное венское кресло-качалка из собрания Музея-квартиры Елизаровых (ул. Ленина, 52) буквально дышит умиротворенностью и семейным уютом. Оно совсем не ассоциируется с образом вождя мировой революции в 1917 году — человека непримиримого, одержимого идеей разрушить весь мир до основания, а в личной жизни отличавшегося чрезвычайном аскетизмом...

Креслом пользовалась мать вождя Мария Александровна. Она умерла в июле 1916 года на даче в Юкках, которую снимал для нее Марк Елизаров (муж старшей сестры Ленина Анны Ильиничны). Ленин в это время был за границей и не смог побывать на похоронах.

— Последний раз Владимир Ильич виделся с Марией Александровной в 1910 году в Стокгольме, куда она приехала специально, чтобы повстречаться с сыном, который уже многие годы жил в эмиграции. Но даже эта последняя встреча была омрачена тем, что Ленин не мог помочь матери подняться по высокому трапу на корабль, на котором Мария Александровна отправлялась обратно, поскольку он принадлежал русской компании и на палубе уже юридически начиналась территория Российской империи. Ильича там могли арестовать, — поясняет заведующая музеем Нелли Приваленко.

Многие вещи после смерти матери остались в квартире Елизаровых на прежних местах, что особенно тронуло Владимира Ильича, который поселился здесь в апреле 1917 года, вернувшись из эмиграции. После триумфального ночного выступления у Финляндского вокзала он отправился в штаб партии большевиков в особняке Кшесинской. Оттуда вместе с Крупской и двумя своими сестрами пешком пришел к Елизаровым на тогдашнюю Широкую улицу.

А утром следующего дня в сопровождении своего соратника по партии Владимира Бонч-Бруевича отправился на Волковское кладбище, чтобы посетить могилу матери. По словам Бонч-Бруевича, путь по тропинке к маленькому холмику был одним из самых тяжелых в жизни Владимира Ильича. Он тихо подошел, снял шляпу и низко поклонился...

Лето 1917 года было холодным, сырым, и Ленин, по воспоминаниям, в редкие минуты отдыха любил сидеть в мамином кресле в столовой возле белого камина, укрывшись теплым пледом, которым пользовалась Мария Александровна (он тоже является экспонатом музея), а сестры играли ему на фортепиано в четыре руки. В основном они исполняли сонаты Бетховена, которые он мог слушать круглые сутки. Вождь говорил, что эту «изумительную, нечеловеческую музыку» невозможно не любить.

— А еще он, как и Мария Александровна, очень любил Вагнера, — говорит Приваленко. — К сожалению, какие именно произведения — нигде не зафиксировано.

ФОТО Дмитрия СОКОЛОВА

Не так давно кресло-качалка, помнящее Ленина и его мать, прошло реставрацию. Конструкция осталась подлинной, а вот перетяжку из рисовой соломки пришлось заменить.

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

«Гоняясь за разными видами либерализма, не понимая сущности свободы, мы попали в рабство и притом в самый худший из видов его — в духовное рабство со всеми его последствиями. Оно развило в нас присущие ему пороки: трусливость, лицемерную угодливость, бесхарактерность. Прежде чем высказаться, мы соразмеряемся мысленно, подходит ли то, что хотим сказать, под камертон того или другого болтуна. Мы потеряли естественность и самостоятельность, мы перестали быть самими собой. Сколько лжи, сколько лицемерия накопилось в нас! Дошло до того, что люди стыдятся лучших своих чувств, и если эти чувства проскальзывают в них по неизбежной потребности натуры, торопятся как можно скорее задушить это отсталое, несовременное проявление».

**Михаил КАТКОВ,
философ, публицист,
«Московские ведомости»,
9 марта 1881 г.**